DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.065
УДК 821.161.1:325.2(7/8=134) + 008

М. Н. Мосейкина
*Российский университет дружбы народов
Москва, Россия*

СУДЬБА ПОКОЛЕНИЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭМИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Статья посвящена изучению личностного аспекта литературной эмиграции в странах Латинской Америки как части Русского мира. В ней на примере жизни и творчества поэта В. Ф. Перелешина, писателей П. П. Шостаковского и Ю. Г. Слепухина, представлявших латиноамериканскую ветвь русской эмиграции XX в., проанализирована судьба человека в контексте судьбы его поколения, его литературная жизнь, поведенческие и творческие стратегии. Вышеупомянутые писатели принадлежали к разным волнам эмиграции, но при этом демонстрировали связь поколений и одновременно способность интегрироваться в культуру стран проживания, совершив переход на другой язык и реализовав себя в нем.

Включившись в процесс межкультурного диалога с ибероамериканским миром, представители отечественной художественной интеллигенции при существовавшем тогда культурно-информационном разрыве между советским и эмигрантским сообществом решали задачу сохранения связи с родиной через культуру и печатное слово. Им удалось сберечь национальные духовные ценности и одновременно сделать их достоянием людей иной культуры. Важным было и то, что культурное творчество этих людей в изгнании сохранилось для России, а сами авторы дожили до возвращения их трудов на Родину.

К л ю ч е в ы е с л о в а: литературная эмиграция; поколение; русское зарубежье; младеэмигранты; российско-латиноамериканский диалог культур; Латинская Америка; культурная миссия; репатриация.

Важными компонентами сохранения национального самосознания русских за рубежом являлись религия, язык, символичные ритуалы и памятные даты, художественная литература, носителями которой были разные поколения людей, объединенных единым кодом русского языка и культуры.

В отечественной историографии давно идет дискуссия об образе «сыновей» эмиграции (младеэмигрантов) как поколению «отчужденных» (определение З. Шаховской), как «незамеченном» поколении, «поколении неудачников» (определение В. Варшавского), или, наоборот, «удачливых» и «счастливых» (Л. Ливак, И. Каспэ). Но, благодаря появлению новых источников, все чаще говорят о таком состоявшемся феномене XX в., как «литературное творчество младеэмигрантов <...> имеющем свой собственный смысл и собственные качественные характеристики — психологические, морально-этические, эстетические» [Матвеева, 2008а, с. 8]. При этом речь идет не только о творчестве

младоземigrants, но и об анализе их литературной жизни и быта, поведенческих и творческих стратегий.

Как справедливо пишет Ю. В. Матвеева, «представители младшего поколения, в отличие от старших эмигрантов, одинаково спокойно и свободно смотрели как на Восток, так и на Запад» [Матвеева, 2008а, с. 73], вследствие чего они оказались способны интегрироваться в культуру стран проживания, продемонстрировав европеизм, ориентализм или американизм внешней стилистики манеры, и тем самым способность к межкультурному диалогу. Особое место в этом поколении «сыновей» принадлежит тем, кто совершил переход на другой язык и реализовал себя в нем. Наиболее известными примерами максимальной адаптации и успешного перехода в чужую культуру (со своим «русским багажом») является творческая судьба З. Шаховской и А. Труайя. В пределах латиноамериканской культуры подобное продемонстрировали поэт В. Ф. Перелешин, писатели П. П. Шостаковский, Ю. Г. Слепухин и др.

Развитие культуры сложившейся латиноамериканской цивилизации всегда происходило в поле диалога, результатом которого стал процесс преломления (трансформации) европейской культуры в специфических условиях Латинской Америки через заимствование культурных традиций, обмен опытом, предметно-практической деятельностью и ее результатами. Так, благодаря смешению наций сегодняшняя Латинская Америка превратилась в важнейшую составляющую культурно-цивилизационного многообразия современного мира [Iberica Americans..., с. 19–20], свой вклад в которую внесла и сформировавшаяся здесь русская диаспора.

В свою очередь, и русская эмиграция на пространстве латиноамериканского континента представляла собой продукт межкультурных контактов, включающий в себя историю конкретных людей, контактирующих в среде иной цивилизации или постоянно живущих в ней [Латиноамериканские диаспоры в США..., с. 7]. В этой связи изучение личностного аспекта литературной эмиграции в Латинской Америке как части Русского мира, судьбы человека в контексте судьбы его поколения представляется весьма актуальной задачей.

Один из представителей поколения младоземigrants Валерий Перелешин (наст. фам. В. Ф. Салатко-Петрище) в 1920 г. вместе с матерью покинул Читу и отправился в эмиграцию в Китай, куда к тому времени перебралось немало творческих людей из России и где формировалась своя литературная жизнь. Здесь же началась литературная деятельность поэта В. Перелешина, который, как и другие младоземigrants, продолжил в своих стихах развивать взгляды русского символизма и искать своего рода «философский камень искусства» (по выражению В. Ходасевича). В книге «Три родины» В. Перелешин писал: «...Принадлежностью к школе Гумилева я гордился вплоть до конца шестидесятых годов, когда Юрий Иваск “толкнул” меня к подножию Мандельштама. В противовес почти насквозь рассудочному Гумилеву от Мандельштама я научился устремлению к миру сверх-рассудочному или (чаще) подсознательному». Поэт отмечал, что для него осталась неприкосновенной вера в Бога и Церковь,

но и тут, говорил он, «неизбежны были глубокие сомнения, бунтарство, отчаяние, горькое чувство богооставленности...» [Перелешин, 1987]. Все это позволяет говорить о «доминирующих чертах поколенческого мировоззрения и мироощущения» младоэмигрантов, к которым относились «мистическое чувство жизни, романтический уклад сознания, устремленность в перспективу экзистенциальной философии» [Матвеева, 2008б].

Начиная с 1932 г., В. Перелешин принимал участие в работе литературной студии и кружка «Чураевка», созданного в 1926 г. по инициативе казачьего офицера Алексея Ачаира и объединившего многих русских поэтов Харбина — Арсения Несмелова, Всеволода Иванова, Лариссу Андерсен, Елену Недельскую, Григория Сатовского-Ржевского, Николая Щеголева и др. Разъехавшись потом по свету и поставив целью продолжить «пушкинско-блоковскую традицию» русской литературы, чураевцы оказались связаны этим «общим делом», они переписывались, по мере сил помогали друг другу, многие продолжали печататься (в том числе и в иностранной прессе), на всю жизнь сохранив приверженность идеалам русской культуры.

Сам В. Перелешин глубоко знал восточную культуру, считал Китай своей второй родиной. После закрытия в Харбине в 1937 г. юридического факультета, Перелешин поступил на первый курс богословского факультета в семинарии и в 1938 г. принял монашество в харбинском Казанско-Богородицком монастыре, где был наречен Германом. В 1937 г. вышла его первая книга стихов «В пути», в 1939 г. — «Добрый улей». В 1939 г. В. Перелешину пришлось перевестись в другую епархию, в Пекин, а именно — в российскую Духовную миссию, где двадцатипятилетний поэт продолжал писать стихи и на религиозные темы, и о любви. При этом он восхищался красотой Китая и одновременно тосковал о России, что нашло отражение в одном из его лучших эмигрантских стихотворений на эту тему — «Ностальгия»: «Все страны вселенной я сердцем широким люблю, // Но только, Россия, одну тебя больше Китая» [Перелешин, 2013].

В 1953 г. Валерий Перелешин перебрался в Бразилию, где прожил до самой смерти. Долгое время он не имел постоянного заработка, кроме гонораров из эмигрантских изданий. Затем в течение десяти лет проработал библиотекарем Британской культурной миссии в Бразилии, сотрудничал на радиостанции «Радио Ватикана» [Письма запрещенных людей..., с. 641]. На радио Перелешин готовил репортажи на тему русской поэзии. Вот что, в частности, он писал об этом: «Сегодня получил программу на месяц сентябрь. Обещано три сообщения на тему “религиозные мотивы в русской поэзии” и мой венок сонетов “Крестный Путь” в праздник Воздвижения Креста. Все четыре субботы пройдут с нашим участием <...>. Да, еще была большая радость: сообщение обо мне было прекрасно слышно в сердце Сибири! Это Вам не самиздат в пятнадцати экземплярах» [ОР ИМЛИ РАН, ф. 608, оп. 4.1.2, д. 2, л. 4].

И только к концу 1960-х гг. так называемым бразильским «каникулам» В. Перелешина пришел конец. К этому времени ему удалось путем переписки возобновить старые литературные связи и приступить к своей профессиональной

деятельности поэта, писателя и журналиста. В результате следующая его книга, сборник стихов «Южный дом», увидела свет лишь через 20 лет — в 1968 г.

Оказавшись в Бразилии, В. Перелешин так же, как и в Китае, смог вжиться в культуру этой страны, выучил португальский язык, свободно читал на нем, делал переводы, писал стихи, сотрудничал с бразильскими поэтами. «По-русски не возникает ничего уж несколько месяцев, — признавался он в одном из писем поэту И. Чиннову. — Зато по-португальски пишу безудержно <...> Закончил я шлифовку своего венка сонетов “Крестный Путь” в португальской версии (“Via Crucis”) — честное слово, получилась вещь более зрелая, чем по-русски: тридцать пять лет пролегло между ними. Одновременно возникают и португальские версии сонетов из книги “Ариэль” и других, не только “ариэльных”. На днях “Крестный Путь” и копии всего, что написано обо мне по-английски и по-португальски, будет передано дону Маркосу Барбозо, бенедиктинскому приору и члену Бразильской Академии Словесности (он и сам известный поэт)» [Письма запрещенных людей..., с. 642].

В 1983 г. В. Перелешин выпустил свою первую книгу стихов и переводов на португальском языке под названием «Nos odres velhos» («В ветхих мехах»). В 1986 г. в переводе на португальский В. Перелешина и Умберто Маркеса Пассоса вышла книга стихов М. Кузмина «Александрийские песни».

В письме И. Чиннову от 18 октября 1984 г. поэт писал: «Читаю почти беспрерывно (и вчера начал “Записки из Мертвого Дома” <...> по-португальски). Недавно дочитал полностью “Илиаду” тоже по-португальски в прекрасном, хотя и прозаическом, переводе. За “Александрийскими песнями” издам, если успею, свою вторую португальскую книгу “Охотник за тенями”. Войдут в нее мои стихи, написанные по-португальски, а затем — переводы исключительно с русского языка. Перевел я для этой книги и два стихотворения Юрия Павловича. Есть также Анненский, Майков, Лермонтов, Гумилев, Георгий Иванов, Ладинский, барон А. Штейгер, Вячеслав Иванов, Брюсов, Волошин, Гиппиус, Пушкин (“Поэт”), граф Комаровский, Блок, Цветаева, Тютчев» [Там же].

Все эти годы В. Перелешин в далекой Бразилии жил перепиской с друзьями и, конечно, литературой. Одновременно вместе с Марией Визи работал над составлением антологии дальневосточных поэтов, харбинцев, с которыми начинал свой творческий путь. Почти все они к тому времени уже умерли, и В. Перелешин чувствовал себя ответственным за то, чтобы труд его друзей не пропал даром и вошел в «сокровищницу общего дела». Но эту антологию он закончить не успел.

Всего за весь период жизни в Бразилии В. Перелешиным было опубликовано более 25 книг (в их числе сборник стихов на португальском, антология бразильской поэзии). Благодаря этому литературному наследию В. Перелешина называли «лучшим русским поэтом Южного Полушария» [Кузнецова]. «Может быть, и вправду, — писал он в одном из писем Игорю Чиннову, — стану двуязычным поэтом? Это было бы еще одним первым: “завоевал” я для русской музыки Китай и Бразилию, как переводчик и как эмигрант, но уверен, что никто

до меня из русских поэтов — не писал стихов на языке Камюэнса и Фернандо Пессоа» [ОР ИМЛИ РАН, ф. 608, оп. 4.1.2, д. 2, л. 78].

В одном из писем Перелешину З. А. Шаховская, проживавшая в те годы в Париже, писала, что читает стихи поэта с интересом и удовольствием, поскольку, по ее мнению, это не «приблизительная поэзия», которая сейчас распространена новыми эмигрантами, где срывы вкуса попадают в каждом стихотворении. В своем письме она обращается к В. Перелешину: «Вы, думаю, единственный русский поэт, “примысливший” себе Бразилию. Не помню, чтобы кто-нибудь из русских поэтов громадную эту страну посетил и “природнил”. Все было: Африка, Александрия, Италия, Греция и т. д., а вот Бразилия будет, и поделом, уделом Перелешина <...>. Вы удачно соединили не только два мира, а все миры, Вам открывшиеся, а над ними филигранью наша, уже мифическая, но для нас вечно живая Россия, и в звуках поэт Перелешин слышит “снег и пушкинские ямбы”. Ему “Россия голосом бразильца // “Добрый день!” по-русски говорит!”» [«Хоть капля воздуха России...», с. 201–202]. При этом сам поэт всегда считал, что у него «Три родины» (так называлась и его книга) — Россия, Китай, Бразилия, питавшие его творчество.

Позднее появились личные знакомства и завязалась переписка с коллегами из СССР, чудом преодолевавшими «железный занавес», а именно с литературоведом и переводчиком Е. В. Витковским, литератором и музыкантом А. Н. Богословским, который в феврале 1981 г. написал: «Москвичи очень ценят поэзию Перелешина; многие удивлены и потрясены открытием существования столь значительного поэта, пребывающего в почти полной безвестности, не понимают, почему так мало внимания уделяет ему русская печать на свободном Западе» [ОР ИМЛИ РАН, ф. 608, оп. 4.1.2, д. 2, л. 7]. Позднее В. Перелешин переслал в Москву и свою книгу стихов «Три родины», благодаря чему по личной инициативе поэта Г. И. Мосешвили (который состоял в переписке с В. Перелешиним) в апреле 1989 г. в Литературном музее в Москве прошли два вечера, посвященные его поэзии.

Второй после Бразилии крупной страной русского рассеяния являлась Аргентина. Здесь, начиная с 1920-х гг., проживал со своей семьей Павел Петрович Шостаковский — дворянин, выходец из семьи известного музыканта и основателя Московского филармонического общества Петра Адамовича Шостаковского. Сам П. П. Шостаковский был кадетом, офицером, военным инженером. После прихода к власти большевиков, в 1920 г., он вместе с супругой и приемной дочерью выехал из Петрограда в Финляндию. Некоторое время после этого Шостаковские жили во Франции, Италии, откуда в 1925 г. Павел Петрович получил назначение директора «Общества Фиат-Аргентина в Южной Америке» с резиденцией в Буэнос-Айресе и юрисдикцией, распространявшейся на Чили, Парагвай, Уругвай.

В большей степени П. П. Шостаковский стал известен среди испаноязычного культурного мира как писатель, начавший, по его собственному признанию, «литературную деятельность на 50-м году жизни и притом <...>

на испанском языке» [Шостаковский, с. 236]. Говоря о начале своей писательской карьеры, П. П. Шостаковский отмечал: «Особого призвания и слишком уж горячего влечения к писательскому труду я, по существу, не чувствовал. Вступая на этот путь, видел прежде всего возможность подработать кое-какие гроши <...>. Прошли годы раньше, нежели я осилил испанскую грамматику <...>. Тогда и мой “кастильский стиль” обратился в собственный испанский стиль Шостаковского, который критика называла “характерным для всех его произведений”» [Там же].

Самым первым литературным опытом писателя стала небольшая, в сотню страниц, книга воспоминаний, которую П. П. Шостаковский издал в 1920 г., находясь в Италии, под названием «Два с половиной года в стране большевиков» и посвященную тому, что происходило за «санитарным кордоном» в разгар гражданской войны и иностранной интервенции.

В Чили в мае 1926 г. в национальной газете «La Nación» появляется первое художественное произведение П. Шостаковского — рассказ «Мышь» (о жизни в голодном Петрограде в первые годы революции). Этот первый литературный опыт содействовал установлению отношений с чилийскими писателями и открыл для начинающего автора двери других чилийских газет и журналов («Atenea», «Sur» и др.). Затем появилась солидная книга, посвященная событиям русской революции, — «Русская голгофа. Опыт критики Русской революции», — содержащая критику большевизма. Это была первая за всю литературную историю Чили книга, изданная тиражом в две тысячи экземпляров и распроданная за две недели. Президент Чили Карлос Ибаньес обратился к автору с личным письмом, в котором отметил «важность этого труда для политиков, государственных деятелей и вождей народов» [Там же, с. 241].

В газете «La Nación» появились главы и другой книги П. П. Шостаковского — «Потонувший мир. Воспоминания о царской России», интерес к которой у южноамериканского читателя был вызван тем, что каждая из ее двенадцати глав представляла собой картинки русской жизни, раскрывала особенности «русской души» (исп. *alma eslava*) — таинственной и непонятной. Успех книги во многом был обеспечен аполитичностью автора и хорошим литературным испанским языком, что признавали многие местные критики.

В Чили Шостаковский написал «Историю русской литературы от истоков до наших дней» («Historia de la Literatura Rusa desde los orígenes hasta nuestros días»), которая до сих пор в этой стране используется в качестве университетского учебника. Чилийцы высоко оценили писательский талант П. П. Шостаковского и его личный вклад в дело распространения русской культуры в этой стране: именем Шостаковского была названа улица в одном из кварталов г. Сантьяго (район Пуэнте-Альто), где все улицы названы в честь чилийских писателей XX в. [Ульянова, Нораambuэна, с. 162].

Вернувшись в 1929 г. в Европу, П. П. Шостаковский совершил остановку в Мадриде, где вышло второе издание его произведений, благодаря чему, по его собственному мнению, он получил от «этой Мекки испанской культуры

посвящение в «писатели»» [Шостаковский, с. 243], что открывало возможности для более тесного знакомства русского писателя-эмигранта с известными деятелями испанской литературы — Вальей-Инкланом, Пересом-де-Айялой и др. Находясь в Испании, П. Шостаковский работал над «Русскими рассказами», театральной пьесой-ораторией «Мистерия русской души» и, наконец, своей третьей книгой «Семь лет в Южной Америке» (рукопись которой, к сожалению, в дальнейшем была им уничтожена).

Из Испании путь П. Шостаковского лежал во Францию, куда он прибыл в 1929 г. Здесь он встречался со многими представителями политической и литературной эмиграции. В их числе был писатель А. И. Куприн, с которым П. Шостаковский был знаком еще с дореволюционных времен и который жил очень трудно, терял зрение и потому единственный его доход состоял в заработке жены, работавшей в русской библиотеке. Шостаковский так описывал эту встречу: «Война, революция, и встречаемся мы с Куприным в Париже, оба эмигранта, оба вне Родины <...>. Что вы хотите? — сказал он. — Как вы хотите, чтоб писатель мог творить, когда все нити, связывающие его с родной почвой, порваны <...>. Здесь, во Франции, писатель-эмигрант может писать только по-французски, поверьте мне. Течения, которые он впитывает, мешают ему писать и говорить по-русски, как будто они противостоят этому. Никто из нас, поверьте мне, ничего не сделает в изгнании, если он не сумеет стать искренним патриотом той страны, в которой он живет» [Там же, с. 265].

Накануне Второй мировой войны П. П. Шостаковский вновь оказался в Аргентине, где прожил вплоть до своего отъезда в СССР в 1955 г. Здесь он сотрудничал с крупнейшей национальной газетой «La Nación», которая в интеллектуальных кругах Латинской Америки рассматривалась как нечто «вроде академической кафедры ибероамериканской культуры», осуществлявшей связь с западноевропейскими литературными и художественными кругами [Там же, с. 248].

Когда Гитлер напал на Советский Союз, П. П. Шостаковский занял оборонческую позицию. Через некоторое время он возглавил Славянский союз Аргентины — организационный центр эмигрантского славянского антифашистского движения в этой стране. Еще осенью 1941 г. совместно с П. Погодиным Шостаковский начал издавать собственный журнал на испанском языке «Tierra Rusa» («Русская Земля») [Tierra Rusa, 1941, № 1], который с 1 апреля 1943 г. в том же формате стал выходить под новым названием «Calvario Ruso» («Русская Голгофа») [Calvario Ruso, 1943, 15 de junio].

Вот каким увидела в те годы П. П. Шостаковского приехавшая в Аргентину в качестве работника Внешторга будущая литературовед и переводчица М. И. Былинкина: «Высокий худощавый старец с белой бородой а ля Лев Толстой, дворянин и петербургский меценат, бывший военный атташе России в Италии <...>. Его семья к этому времени была прекрасно устроена в Буэнос-Айресе <...>. Но Павел Петрович был одержим желанием вернуться в Россию, вернуться во что бы то ни стало и умереть дома» [Былинкина, с. 165].

И когда появилась такая возможность, в 1955 г. семья Шостаковских переехала в СССР и поселилась в Минске. Здесь П. П. Шостаковский вернулся к литературной деятельности и успел закончить свои воспоминания «Путь к правде», в которых нашли отражение история семьи, личной жизни и тот трудный и долгий «путь к правде» русского офицера-реэмигранта, писателя, который привел его обратно на Родину.

После Второй мировой войны в Аргентине как перемещенное лицо (Ди-Пи) оказался со своей семьей еще один писатель — Юрий Григорьевич Слепухин (наст. фам. Кочетков). Это был уже представитель новой, второй волны эмиграции, по поводу которой В. С. Варшавский писал: «Один за другим уходят последние отцы. В то же время состав эмиграции пополняется массой невозвращенцев и послевоенных беглецов, людей, выросших совсем в других социальных условиях, чем старые эмигранты. Представители этой новой эмиграции выдвигаются на авансцену общественной и литературной эмигрантской жизни» [Варшавский]. В их числе В. Варшавский называет писателей С. Максимова, С. Малахова, С. Юрасова. Кроме этих трех писателей, получивших не только среди Ди-Пи, но и в старой эмиграции признание гораздо более широкое, чем кто-либо из прежних «молодых» писателей, В. Варшавский отметил еще целый ряд прозаиков, поэтов и публицистов, вышедших из среды новой эмиграции: Ольга Анстей, Юрий Галь, Глеб Глинка, Иван Елагин, Юрий Елагин, П. Ершов, В. Завалишин, В. Каралин, Д. Кленовский, М. Коряков, И. Легкая, Вл. Марков, Н. Моршен, Н. Нароков, Л. Ржевский, Ю. Трубецкой, Н. Ульянов, Б. Филиппов и мн. др.

Подводя итог истории первой волны эмиграции, В. С. Варшавский ссылается на слова Юрия Терапиано из его книги «Встречи»: «Началась новая эпоха в эмиграции, прежняя окончилась. Вновь пришедшие поэты и писатели создают свою атмосферу, по-своему ощущают воздух эпохи» [Там же]. В. Варшавский соглашается с этим заключением и одновременно замечает: «Эта атмосфера, несомненно, будет совсем другой, чем атмосфера литературы поколения эмигрантских сыновей. Тут дело не только в разной школе и в разном понимании задач литературы, а в глубоком различии всего жизненного и духовного опыта. В то время, как уделом эмигрантских сыновей были одиночество и устранимость, новые эмигранты — люди, вырвавшиеся из-под власти экспериментаторов тотальной социализации всей жизни. Здесь можно говорить о разнице почти такой же, как между существами, родившимися на разных планетах, под разным воздушным давлением» [Там же]. Но жизнь показала, что эта дистанция между поколениями все-таки не была столь колоссальной.

Во время войны в качестве оstarбайтера Юрий Кочетков (будущий Ю. Слепухин) попадает в лагерь для восточных рабочих «Шарнхорст» в немецком городе Эссен. Затем, с мая 1944 г. по март 1945 г., батрачит в помещичьей усадьбе барона Гюльхера в деревне Аппельдорн на Нижнем Рейне.

Освобожденные войсками союзников, Кочетковы в начале марта 1945 г. в числе других оstarбайтеров были вывезены англичанами в Бельгию для отправки в СССР. Поскольку близкие родственники (сестра и брат матери, муж

сестры — чешский коммунист) были репрессированы и находились в заключении, семья попросила политического убежища. В связи с этим пришлось также изменить фамилию Кочетковы на фамилию Слепухины (девичью фамилию матери отца). Очень интересным было знакомство Слепухина с белой эмиграцией в Бельгии, где еще были живы непосредственные участники белого движения, общение с которыми «обогащало, вызывало живой интерес, ведь они сумели сохранить дух старой России» [Слепухин, 2012].

В Буэнос-Айресе, где семья Слепухиных-Кочетковых оказалась в 1947 г., Юрий Григорьевич прожил 10 лет, работая разнорабочим на стройке, монтажником, электриком, автомехаником, дизайнером ювелирных изделий. При этом работа не мешала ему активно заниматься политической и общественной деятельностью, сотрудничать с эмигрантскими газетами и журналами. Еще в Бельгии Слепухин стал членом Национально-Трудового Союза, в Аргентине он входил в состав руководства Южно-Американского отдела НТС вплоть до разрыва с этой организацией в 1955 г. [Слепухина, с. 55].

НТС издавал политический журнал «Вехи» — первый послевоенный журнал русских эмигрантов в Аргентине, членом редколлегии которого стал Ю. Слепухин. Одновременно он был назначен руководителем молодежного отдела НТС в Аргентине. Каждую субботу, в течение нескольких лет, начиная с 1948 г., на квартире его семьи собиралось от 8 до 15 человек русской эмигрантской молодежи. После международного обзора кто-нибудь читал 40-минутный доклад на какую-нибудь историческую, политическую или общегуманитарную тему. Затем начинался обмен мнениями, а потом просто разговоры за чашкой чая.

Творческую, писательскую судьбу Ю. Слепухину еще в школе предсказал учитель литературы, который позднее «оживет» на страницах его первого романа «Перекресток», продиктованного ностальгией и начатого в 1949 г. как воспоминания о довоенной юности. Там же, в Аргентине, был написан по-испански роман «У черты заката», собран материал для повести «Джоанна Аларика» — о событиях 1954 г. в Гватемале, сделаны первые наброски некоторых сюжетных линий автобиографического романа «Южный крест», в центре которого — история поиска в Аргентине и Парагвае скрывшихся нацистских преступников. Как пишет П. Н. Базанов, «обычный, казалось бы, сюжет для советской литературы 1960–1980-х гг. здесь является прикрытием во многом мемуарного, художественно-публицистического повествования о жизни русской эмиграции в Аргентине в послевоенное время» [Базанов, с. 314]. Роман дорабатывался писателем уже в 1970-е гг. на родине.

Ю. Г. Слепухин хорошо говорил на иностранных языках (блестяще владел английским, испанским и французским языками, свободно читал на латыни, немецком, польском, украинском языках), благодаря чему старые эмигранты его очень часто принимали за своего. Он был энциклопедически образован и обладал при этом не только гуманитарными, но и техническими знаниями.

В 1957 г. семья Ю. Г. Слепухина получила разрешение на репатриацию. Вернувшись на родину, Ю. Слепухин полностью посвящает себя литературе,

но целых десять последующих лет стали для него годами абсолютной блокады со стороны издательств, писателя рекомендовалось не допускать к читателям; в его адрес звучали обвинения в искажении советской истории. Несмотря на это, в 1961 г. появляются журнальные публикации — очерк «Серебряная республика без позолоты» (1957) и повесть «Расскажи всем...» (1958). С тех пор в свет вышли еще 9 романов и 3 повести. Юрия Григорьевича Слепухина называли «увлекающимся романтиком, мечтателем» [Базанов, с. 91–92], продолжателем гуманистической традиции литературы XIX в.

При этом он был патриотом, для которого понятие «Отечество» в силу профессии было «нечто неизмеримо большее, нежели просто родной уголок земли», это была «еще и единственно возможная среда обитания» [Слепухин, 2012, с. 387]. Ю. Г. Слепухин писал по этому поводу:

Большая литература всегда наднациональна; на каком бы языке ни было написано произведение. Оно адресовано всему человечеству и поэтому находит доступ к уму и сердцу читателя в любом уголке Земли. Но нет ни одного великого произведения, которое выросло бы на пустом месте, в отрыве от земли, вскормившей его автора. Чтобы быть понятым людьми всей планеты, художник прежде всего должен уметь выразить душу, мироощущение своего собственного народа. Так было всегда и всюду — от Гомера до Достоевского <...>. Каждый автор <...> надеется, приступая к работе, что она не пропадет втуне, рассчитывает на какую-то — пусть скромную — читательскую аудиторию. И думая о будущих читателях, он прежде всего думает о соотечественниках [Там же].

Таким образом, включившись в процесс межкультурного диалога с иберо-американским миром, представители разных поколений отечественной художественной интеллигенции осознавали, насколько важно было сберечь национальные духовные ценности и одновременно сделать их достоянием людей иной культуры. Одновременно при сохранявшемся культурно-информационном разрыве между советским и эмигрантским сообществом деятели литературы русского зарубежья в лице В. Ф. Перелешина, П. П. Шостаковского, Ю. Г. Слепухина ставили задачу сохранить связь с родиной через печатное слово. Они отстаивали идею единства культуры русского зарубежья и метрополии, и ее подтверждением стало возвращение их книг в Россию.

Источники

ОР ИМЛИ РАН. Ф. 608. Оп. 4.1.2. Д. 2.

Исследования

Базанов П. Н. Русская эмиграция в жизни и творчестве Ю. Г. Слепухина // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество : сб. ст. и материалов / [сост.: Н. А. Слепухина, Е. П. Щеглова ; отв. ред.: Н. А. Слепухина]. СПб. : Фонд Слепухина : Ладога, 2012. С. 301–323.

Былинкина М. И. Всего один век: хроника моей жизни. М. : Грифон, 2005.

Варшавский В. Незамеченное поколение [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/332609-nezamechennoe-pokolenie.html> (дата обращения: 23.08.2016)

Кузнецова О. О бразильском архиве Валерия Перелешина [Электронный ресурс]. URL: <http://rukopis.imli.ru/?n=14> (дата обращения: 23.04.2015).

Латиноамериканские диаспоры в США. Цивилизационные характеристики / отв. ред. Б. И. Коваль. М. : ИМЛИ РАН, 2003.

Матвеева Ю. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоемигрантов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008а.

Матвеева Ю. В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоемигрантов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2008б. [Электронный ресурс]. URL: <http://takyu.ru/nuda/matveeva-yuliya-vladimirovna-samosoznanie-pokoleniya-v-tvorche/main.html> (дата обращения: 23.11.2016).

Перелешин В. Три родины. Париж : Альбатрос, 1987.

Перелешин В. Поэзия XX века : антология [Электронный ресурс]. URL: <http://nefertiti.me/Poetry/2013-ANT/6-1/PERELESHIN%20Valerij/index.php#3> (дата обращения: 23.08.2016).

Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. 1950–1980-е годы. По материалам архива И. В. Чиннова / сост. О. Ф. Кузнецова. М. : Наследие, 2003.

Слепухин Ю. Г. Избранное : в 5 т. Т. 1 : Перекресток. Тьма в полдень. СПб. : Ладога, 2005.

Слепухин Ю. Писатель и Отечество // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество : сб. ст. и материалов / [сост.: Н. А. Слепухина, Е. П. Щеглова ; отв. ред.: Н. А. Слепухина]. СПб. : Фонд Слепухина : Ладога, 2012. С. 384–397.

Слепухина И. Г. Воспоминания о брате // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество : сб. ст. и материалов / [сост.: Н. А. Слепухина, Е. П. Щеглова ; отв. ред.: Н. А. Слепухина]. СПб. : Фонд Слепухина : Ладога, 2012. С. 13–86.

Ульянова О., Норамбуэна К. Русские в Чили. Santiago : Usach, 2009.

«...Хоть капля воздуха России»: Письма Валерию Перелешину от В. Яновского, А. Ладинского, Г. Адамовича, Д. Кленовского, И. Чиннова, З. Шаховской / публ. и вступ. ст. О. Кузнецовой // Новый журнал. 2007. Кн. 249. С. 201–202.

Шостаковский П. Путь к правде. Минск : Госиздат БССР, 1960.

Calvario Ruso. 1943. 15 de junio.

Iberica Americans. Латиноамериканская культура в дискуссиях конца XX — начала XXI века / отв. ред. В. Б. Земсков. М. : ИМЛИ РАН, 2009.

Tierra Rusa. 1941. № 1.

Статья поступила в редакцию 05.09.2016 г.

Мосейкина Марина Николаевна

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России
Российский университет дружбы народов
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, к. 2
E-mail: marina_moseikina_@mail.ru

Moseikina, Marina Nikolaevna

Dr. Hab. (History), Professor
Chair of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
10–2, Miklukho-Maklay Str.,
117198 Moscow, Russia
E-mail: marina_moseikina_@mail.ru

THE FATE OF LITERARY ÉMIGRÉ GENERATIONS IN THE CONTEXT OF RUSSIA-LATIN AMERICA DIALOGUE OF CULTURES

The paper studies the personal aspect of literary emigration to Latin American countries as a part of the Russian world. Referring to the life and creative work of poet V. F. Pereleshin, writers P. P. Shostakovsky and Yu. G. Slepukhin that represent the Latin American branch of the Russian emigration of the 20th century, the author analyses human destiny in the context of the generation's fate, its literary life, behavioural and artistic strategies. The writers in question belonged to different waves of emigration, but demonstrated a link between generations and at the same time an ability to integrate into the culture of the country of residence, as well as to make a transition to another language and to realise themselves in it.

Being involved in the process of intercultural dialogue with the Ibero-American world, the representatives of different generations of Russian artistic intelligentsia solved the problem of keeping in touch with their homeland through culture and the printed word. They managed to preserve the national cultural values and at the same time to make them accessible for people of another culture. It is also important that the cultural works of the Russian people in exile were saved for Russia, as the authors themselves lived long enough to see their work return to their homeland.

Key words: literary emigration; generation; Russian abroad; young émigrés; Russia-Latin America dialogue of cultures; Latin America; cultural mission; repatriation.

Bazanov, P. N. (2012). Russkaia emigratsiia v zhizni i tvorchestve Iu. G. Slepukhina [Russian Emigration in the Life and Work of Yu. G. Slepukhin]. In N. A. Slepukhina (Ed.), *Iurii Slepukhin: XX vek. Sud'ba. Tvorchestvo* [Yuri Slepukhin: 20th Century. Fate. Creative Work] (pp. 301–323). Saint Petersburg: Fond Slepukhina: Ladoga. (In Russian)

Bylinkina, M. I. (2005). *Vsego odin vek: khronika moei zhizni* [Just One Century: A Chronicle of My Life]. Moscow: Grifon. (In Russian)

Calvario Ruso, 1943, 15 de junio. (In Spanish)

Koval, B. I. (Ed.). (2003). *Latinoamerikanskii diaspor v SShA. Tsivilizatsionnye kharakteristiki* [Latin American Diasporas in the United States. Civilisation Features]. Moscow: IMLI RAN. (In Russian)

Kuznetsova, O. *O brazil'skom arkhive Valerii Pereleshina* [About Valery Pereleshin's Brazilian Archive]. Retrieved from <http://rukopis.imli.ru/?n=14>. (In Russian)

Kuznetsova, O. F. (Ed.). (2003). *Pis'ma zapreshchennykh liudei. Literatura i zhizn' emigratsii. 1950–1980-e gody*. Po materialam arkhiva I. V. Chinnova [Letters of Banned People. The Literature and Life of Emigration. 1950–1980s. Based on Materials from I. V. Chinnov's Archive]. Moscow: Nasledie. (In Russian)

Kuznetsova, O. (Ed.). (2007). «... Khot' kaplia vozdukha Rossii». Pis'ma Valerii Pereleshinu ot V. Yanovskogo, A. Ladinskogo, G. Adamovicha, D. Klenovskogo, I. Chinnova, Z. Shakhovskoi [Only a Drop of the Russian Air. Letters to Valery Pereleshin from V. Yanovsky, A. Ladinsky, G. Adamovich, D. Klenovsky, I. Chinnov, Z. Shakhovskaya]. *Novyi zhurnal*, 249, 201–202. (In Russian)

Matveeva, Yu. V. (2008a). *Samosoznanie pokoleniia v tvorchestve pisatelei-mladoemigrantov* [The Self-awareness of a Generation in the Works of Young Émigré Writers]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Matveeva, Yu. V. (2008b). *Samosoznanie pokoleniia v tvorchestve pisatelei-mladoemigrantov* [The Self-awareness of a Generation in the Works of Young Émigré Writers] (doctoral dissertation abstract). Yekaterinburg.

- Pereleshin, V. (1987). *Tri rodiny* [Three Homelands]. Paris: Al'batros. (In Russian)
- Pereleshin, V. *Poeziia XX veka* [20th Century Poetry]. Antologiya. Retrieved from <http://nefertiti.me/Poetry/2013-ANT/6-1/PERELESHIN%20Valerij/index.php#3>. (In Russian)
- Slepukhin, Yu. (2012). Pisatel' i Otechestvo [The Writer and His Motherland]. In N. A. Slepukhina (Ed.), *Iurii Slepukhin: XX vek. Sud'ba. Tvorchestvo* [Yuri Slepukhin: 20th Century. Fate. Creative Work] (pp. 384–397). Saint Petersburg: Fond Slepukhina: Ladoga. (In Russian)
- Slepukhin, Yu. G. (2005). *Izbrannoe* [Selected Works] (Vols. 1–5). (Vol. 1: *Perekrestok. T'ma v polden'* [Crossroads. Darkness at Noon]). Saint Petersburg: Ladoga. (In Russian)
- Slepukhina, I. G. (2012). Vospominaniia o brate. In N. A. Slepukhina (Ed.), *Iurii Slepukhin: XX vek. Sud'ba. Tvorchestvo* [Yuri Slepukhin: 20th Century. Fate. Creative Work] (pp. 13–86). Saint Petersburg: Fond Slepukhina: Ladoga. (In Russian)
- Shostakovsky, P. (1960). *Put' k pravde* [The Way to the Truth]. Minsk: Gosizdat BSSR. (In Russian)
- Tierra Rusa*, 1941, 1. (In Spanish)
- Ulyanova, O., & Norambuena, K. (2009). *Russkie v Chili* [Russians in Chile]. Santiago: Usach. (In Russian)
- Varshavskii, V. *Nezamechennoe pokolenie* [The Unnoticed Generation]. Retrieved from <http://e-libra.ru/read/332609-nezamechennoe-pokolenie.html>. (In Russian)
- Zemskov, V. B. (Ed.). (2009). *Iberica Americans. Latinoamerikanskaia kul'tura v diskussiiakh kontsa XX — nachala XXI veka* [Latin American Culture in the Discussions of the Late 20th — Early 21st Centuries]. Moscow: IMLI RAN. (In Russian)

Received on 5 September, 2016